

АНТОН КАРАБЫКОВ

Почему православные отвергают эволюционизм?

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-1-240-268>

Anton Karabykov

Why Do the Orthodox Reject Evolutionism?

Anton Karabykov — V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol). meavox@mail.ru

To answer the question posed in the title, its core concepts are first clarified and three aspects distinguished. One is a biological theory itself (E-1), second is evolutionism claiming the status of a general scientific or even general cultural paradigm (E-2), and third is the so-called Orthodox (or Christian) evolutionism, which claims to be a variant of the previous. Next, the article considers the content of the main apologetic strategy of the Orthodox evolutionists in the face of their confessional opponents. Then it offers an analysis of the dogmatic objections raised in the church circles against such points of theistic evolutionism as the “animal” origin of man, the Fall, and the appearance of death in the natural world. In conclusion, it explores a deeper level of motivation of Orthodox anti-evolutionists and their absolutization of patristic exegesis. Before all, it is a pessimistic view of history associated with increasing degradation and opposed to a mythical “Golden Age”. This view is directly opposite to progressive intuitions and conclusions of evolutionism.

Keywords: Creationism, Darwinism, Christian Revelation, Genesis, Patristic Exegesis, Eschatology, Progressivism, Historical Pessimism.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 21-011-44042 «Эволюционизм как проблема христианской теологии: исторический анализ».

Автор благодарит анонимного рецензента, чьи замечания позволили существенно улучшить эту работу.

Введение: определимся с терминами

ПЕРЕД нами вопрос, ключевые слова которого нуждаются в уточнении. Начнем с первого. Речь пойдет о положении дел в одном только русском православии. Совершенно бесспорно, что не все его представители отрицают эволюционизм. Но признака, который бы отличал сторонников эволюционной теории от ее противников достаточно строго, не существует. Есть фактор, благоприятствующий приятию эволюционизма. Это наличие образования: высшего светского в общем, естественнонаучного в особенности и ученой степени в одной из наук о природе в пределе. Как видим, ничего удивительного. Удивляет обратное: среди самых непоколебимых антиэволюционистов в православной среде встречаются люди, имеющие или имевшие прямую профессиональную причастность к естествознанию. Что касается соотношения сил между обоими лагерями, то представление о нем мог бы дать масштабный социологический анализ. В его отсутствие приходится судить на основании свидетельств, чья совокупность убеждает в том, что очень многие (и, вероятно, в большинстве) православные не признают эволюционизм. Дедуктивно этот тезис подтверждается тем, что названный фактор может влиять на немногих, особенно в кругах духовенства; индуктивно — тем, что даже столь влиятельные фигуры современной Русской православной церкви (РПЦ), как почивший патриарх Алексий II, митрополит Иларион (Алфеев), профессор А. И. Осипов и т. д., известны своими антиэволюционистскими убеждениями¹. Предоставлю слово экспертам, знакомым с ситуацией лучше меня. Одни характеризуют ее изнутри, другие извне православия. К первым относится о. А. Борисов, в прошлом генетик, писавший в конце советской эпохи: «В церковных кругах... как тогда (XIX — начало XX в. — А. К.), так и теперь, сама мысль о возможности наличия у человека обезьяноподобных предков представляется нечестивой и еретической. Здоровое отношение к данным науки, как тогда, так и сейчас, встречается в православной среде лишь как исключение»². О том, что с тех пор изменилось немного, свидетельствует Г. Л. Муравник, говоря, что в России путем

1. См. *Муравник Г.* Апология биологической эволюции в контексте дискуссии с «научными» креационистами // *Вера и знание: взгляд с Востока* / под ред. Т. Оболевич. М.: Издательство ББИ, 2014. С. 178–180.
2. *Свящ. Борисов А.* Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви. Москва: Лига-Фолиант, 1994. С. 140.

теистической эволюции следуют лишь немногие. И здесь же делает симптоматичную ремарку, обнажающую историческую чуждость этого хода мысли русскому православию: «А жаль! Ведь он (этот путь. — А.К.) был проложен многолетними подвижническими трудами П. Тейяра де Шардена»³. К сходным выводам приходят внешние по отношению к Церкви ученые. Так, чуть более десятилетия назад, когда эволюционистские споры всколыхнули общественность в связи с делом Марии Шрайбер, биолог М. Б. Конашев отмечал: «Современная Россия неокapиTaлизMa, неолиберализма и неоклерикализма стала чуть ли не лидером антиэволюционной кампании в мире. Роль главного обличителя и обвинителя эволюционной теории в России добровольно взяла на себя Русская православная церковь»⁴. Подобного мнения придерживаются многие светские интеллектуалы, склонные стучать краски⁵. Кроме того, о доминировании антиэволюционистских убеждений в православной среде красноречиво говорит засыле соответствующей литературы, наблюдаемое в церковных лавках и магазинах.

Перейдем к эволюционизму. В настоящее время это понятие имеет два смысла. В узком и строгом оно означает научную парадигму, господствующую в биологии уже около полутора столетий и сейчас имеющую форму так называемого неодарвинистского синтеза (далее Э-1). В согласии с ней, развитие жизни на Земле в основном осуществляется путем чрезвычайно долгого отбора случайных генетических мутаций, которые делают те или иные организмы более приспособленными к данным условиям сре-

3. Муравник Г. Апология биологической эволюции в контексте дискуссии с «научными» креационистами. С. 182.
4. Конашев М. Эволюционная теория и нео-модернизация России // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России / Под. ред. Ю. С. Пивоварова. Ч.1. М.: ИНИОН, 2010. С. 78.
5. См. также Мамонтов С. Комментарий к дискуссии «Надо ли пересматривать теорию Дарвина?» // В защиту науки. Бюллетень № 4 / Под ред. Э. П. Крутлякова. М.: Наука, 2008. С. 25–34). Ср. слишком категоричную, но недалекую от истины ремарку В. Ю. Катасонова: «Официальная Православная церковь никаких заявлений по поводу отношения к теистическому эволюционизму и концепции креационизма не делает. По умолчанию (курсив мой. — А.К.) предполагается, что для Православия приемлема лишь концепция креационизма» (Катасонов В. Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия. М.: Издательский дом «Кислород», 2017 [http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24185588, доступ от 20.07.2021]; и свидетельство митрополита Илариона (Как православному человеку относиться к теории Дарвина // Официальный YouTube-канал митрополита Илариона [<https://www.youtube.com/watch?v=Az9mus2rnNo> доступ от 9.08.2021]).

ды, тем самым давая им преимущество в борьбе за существование. В широком смысле эволюционизм — это одна из главных черт или, возможно, основание мировоззрения, преобладающего в современности (далее Э-2). Он стал ей вследствие экстраполяции биологической теории (Э-1) в другие области научного знания, включая гуманитаристику, и далее в культуру и превращения ее в орудие идеологической борьбы. Начавшись сразу же по выходе «Происхождения видов» (1859), основополагающей работы Чарльза Дарвина (1809–1882), эти процессы с новой силой длятся в наши дни⁶. К основным чертам эволюционистского мировоззрения относится идея всеобщей изменяемости, характеризующей природную и социокультурную сферы; прогрессизм, в соответствии с которым преимущественные изменения в этих сферах ориентированы на улучшение, а не деградацию; а также представление об уникальной миссии человечества, призванного к сознательному управлению эволюционным процессом⁷.

Какой именно эволюционизм отвергают православные? Если иметь в виду осознанно-артикулируемую реакцию, то преимущественно Э-1 — как таковой и как основу Э-2. Хотя прямой угрозой православию является Э-2, — растворенный в воздухе современной эпохи, подмешанный ко многим ее идейным течениям, он весьма плохо поддается объективизации и предметной критике. Поэтому чаще Э-2 отвергается имплицитно, как неосознаваемый джинн, некогда выпущенный из бутылки научной теории. Ср. фрагмент из аннотации к недавнему переизданию труда Н.Я. Данилевского (1822–1885), вышедшему в серии «Православная мысль»:

Он (Данилевский. — А.К.) показывает, в чем ошибался теоретик естественного отбора и борьбы за существование (Дарвин. — А.К.), на умозаключениях которого... покоится все новейшее секулярное сознание. На базе дарвинизма выросли многие разрушительные политические системы, такие как социализм, коммунизм, анархизм, национал-социализм, глобализм и т.д.⁸

6. См. Alexander, D. R., Numbers, R. L. (eds) (2010) *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins*. Chicago: The University of Chicago Press; Хен Ю. Дарвинизм как картина мира // Идея эволюции в биологии и культуре / под ред. О.Е. Баксанского, И.К. Лисеева. М.: Канон+, 2011. С. 397–408.
7. См. Ruse, M. (2016) *Darwinism as Religion: What Literature Tells us about Evolution*. Oxford, New York: Oxford University Press.
8. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015.

Обходя молчанием последнее утверждение, замечу, что так как православные антиэволюционисты не берут на себя труд всерьез обосновать обвинения наподобие этого (в известной степени не беспочвенные), эти обвинения кажутся голословными, а их выдвижение воспринимается как знак недостатка интеллектуальной культуры.

Наконец, есть еще одна форма эволюционизма, которая часто служит главной мишенью для критики в (около-)церковных кругах. Я имею в виду православный и в целом христианский и теистический эволюционизм⁹. Он являет собой прежде всего разновидность Э-2: особое мировоззрение, подъем которого был продиктован стремлением согласовать христианский взгляд на творение с Э-1. В свою очередь это стремление обуславливается сугубой влиятельностью эволюционизма, претендующего на статус общенаучной (глобальный эволюционизм) и даже общекультурной парадигмы. Чем вызвана столь острая неприязнь именно к этой форме? Дело в том, что в сравнении с Э-1, который, как любят настаивать критики, есть *просто теория*, его синтез с православным учением воспринимается ими как настоящая ересь, несущая угрозу для церкви. В ней видят плод вероотступничества, совершаемого под действием тлетворного духа времени ради обманчивой цели: примирить непримиримое, сочетать совершенное и дефектное, растворить абсолютное в относительном¹⁰. Другой автор характеризует эту «ересь» более предметно, выделяя в ней два ответвления: собственно православный эволюционизм и альтеризм. Первый является «смесью Библии с пантеизмом», намек на который якобы содержится в идее творческой автономии, приписываемой природе в Э-1¹¹. Среди православных его разделяют русские последователи Тейяра де Шардена (1881–1955): о. Александр Мень (1935–1990) и его ученики. Добавлю от себя, что в настоящее время среди приверженцев этой позиции есть и немало тех, кто не придерживается тейярдизма, следуя за современными католическими и протестантскими авторами. В свою очередь альтеризм понимается как синтез право-

9. О его вариациях и становлении см.: Храмов А. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4(33). С. 84–109.

10. См.: Буфеев К., свящ. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. М.: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014. С. 232–238.

11. Тимофеев, свящ. Две космогонии. Эволюционная теория в свете святоотеческого учения и аргументов креационной науки. М.: Паломник, 1999. С. 154.

славия с манихейством и связывается с именем епископа Василия (Родзянко) (1915–1999), автора книги «Теория распада Вселенной и вера Отцов»¹². Этот подход не отрицает эволюции, как ее мыслит современный неодарвинизм, но видит в ней процесс, запущенный не до (в начале творения), а после грехопадения прародителей, которому придает масштаб вселенской катастрофы, кардинально изменившей весь строй мироздания¹³. Отсюда следует, что, признавая факт эволюции и часто правильность Э-1, альтеристы, в отличие от христианских эволюционистов, мыслят эволюцию как дурной атрибут падшего мира и, как и креационисты, отрицают Э-2¹⁴.

«Сектанты» vs «еретики»

Прежде чем приступить к рассмотрению возражений, выдвигаемых против эволюционизма православными оппонентами, я бы хотел добавить еще одно разъяснение, которое прольет свет на актуальность этой работы. Почему вопрос, поставленный в ее заглавии, почти не удостоивается исследовательского интереса, хотя он совсем не праздный? Казалось бы, он может интересовать светских ученых-эволюционистов, испытывающих обеспокоенность и раздражение из-за сопротивления со стороны церковной среды. Но, будучи в массе своей атеистами, они часто думают, что ответ крайне прост: виной всему обскурантизм, непременно сопутствующий любой религии. Так что если, скажем, католики относятся к Э-1 и вообще прогрессу науки позитивнее православных, то потому главным образом, что их мировоззрение является более обмирщенным, то есть здраво-рациональным в этом плане. Если отвлечься от оценочности этого суждения, то, в сущности, православные антиэволюционисты могут согласиться с таким мнением

12. Там же.

13. Более подробный анализ альтеризма см. в: Гоманьков А. Библия и природа. Эволюция, креационизм и христианское вероучение. М.: ГЕОС, 2014. С. 18–23, 172–179; Серебряков Н. С. Проблема соотношения библейского повествования о творении мира и человека с научным естествознанием // Труды семинара «Наука и вера» ПСТГУ. Вып. 1. 2011. С. 88–111; Khramov, A. V. (2017) “Fitting Evolution into Christian Belief: An Eastern Orthodox Approach”, *International Journal of Orthodox Theology* 8(1): 75–105; Тихонов А. И., Федотов А. А. Эволюционизм, креационизм... или что-то третье? // Богослов.ru. 10.08.2015 [http://www.bogoslov.ru/text/4662787.html, доступ от 28.02.2023].

14. См.: Мумриков О., свящ. Концепции современного естествознания: христианско-апологетический аспект. Сергиев Посад; М.: Паломник, 2013. С. 469.

о себе, повторив вслед за Лютером: «Здесь я стою — я не могу иначе».

Еще одной группой, находящейся в положении между молотом светской науки и наковальной вероучения, которую тоже мог бы заинтересовать этот вопрос, являются православные сторонники эволюционной теории. Принадлежа к интеллигентному меньшинству в РПЦ, они заняты апологией своих взглядов перед лицом собратьев по вере. Удручаемые жестокостью последних, они порой слишком легко принимают сторону естествознания, недооценивая объективные трудности, стоящие на пути к религиозно-научному синтезу¹⁵. В общих чертах их излюбленная стратегия такова: есть две прекрасные вещи — эволюционизм и православие, и если их соединить, то возникнет еще более великолепный православный эволюционизм. Те же из верующих, кто сознательно отвергает теорию эволюции, делают это не в силу своей православности (мы же не отвергаем), но либо из-за невежества, либо под влиянием креационизма, некорректно называемого научным. Затем смакуются «сектантские» корни этой доктрины, возникшей в рамках протестантского фундаментализма с присущей ему буквальностью понимания Библии. И утверждается, что в Россию он проник после распада СССР вместе с американскими сектами и, несмотря на всю православную антипатию к протестантизму, почему-то очень «легко прижился на православной почве, нашел своих последователей и продолжателей»¹⁶. Этот тезис верен, но он не может прояснить причин удивительной влиятельности креационистских взглядов в нашей религиозной культуре. Очевидно, дело в особенной благоприятности ее почвы, возделанной нашим традиционным православным креационизмом. Он явствует не только из творений отцов церкви, но и из «Догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова. 1816–1882), наставлений Феофана Затворника (1815–1894) и Иоанна Кронштадтского (1829–1909), работ Луки Войно-Ясенецкого

15. Ср.: «В православии нет ни текстуального, ни доктринального основания для отвержения эволюционизма» (Кураев А., диак. Может ли православный быть эволюционистом? М.: Христианская жизнь, 2006. С. 30).

16. Ромашко А., свящ. О сектантском происхождении так называемого научного креационизма // Богословский сборник. Новосибирск, 2007 [http://www.bogoslov.ru/text/393452.html, доступ от 15.08.2021]. См. также: Муравник Г. Апология биологической эволюции в контексте дискуссии с «научными» креационистами. С. 173–175.

(1877–1961), если назвать только самых известных духовных деятелей XIX — первой половины XX в.¹⁷ Отодвигая в тень американского креационизма, безнадежно утрачивающего в России какую-либо научность, нашу исконную его форму, апологеты-эволюционисты хотят дезавуировать вторую развенчанием пороков первого: «сектантской» генеалогией и научной низкопробностью. «Креационизм, будучи квазибогословским мышлением, лишь маскируется под истинную науку и истинное богословие», — заключает Г.Л. Муравник, убежденная в том, что, «по сути, под антуражем православия нас хотят вернуть к мифологическому миропониманию»¹⁸. Допустим, действительно хотят. Но разве православие как таковое не мифологично? Или не мифологичен тейярдизм, который она продвигает? Или — спросим вместе с православным А.Ф. Лосевым — не мифологична в своих собственных основах сама наука, чей «миф задал старую мифологию, и — больше ничего»?¹⁹ Между тем именно Лосев, считавший, что не человек произошел от обезьяны, но обезьяна — от человека, хотел диалектически продумать православие как «абсолютную мифологию», контрарную ее ущербным формам, в том числе «нигилистическому естествознанию» Модерна с его дарвинизмом²⁰.

Сколь бы порочным ни был научный креационизм, описанная стратегия защиты не достигает цели: слишком заметно смешение понятий, скрывающее желание части верующих эволюционистов вывести существо вопроса за пределы русско-православной культуры²¹. В итоге приверженцы и противники эволюционизма в среде православных годами играют в азарт-

17. По сути, о том же свидетельствует о. Д. Кирьянов: «Сегодня наиболее распространенной точкой зрения среди православных прихожан и духовенства является так называемый “креационизм молодой Земли”, который в России опирается не столько на... “научный креационизм”, сколько на буквальное истолкование шести дней творения некоторыми из святых отцов Церкви» (*Кирьянов Д., свящ.* Теория эволюции в православно-христианском религиозно-философском контексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. 2. Ч. 1. С. 110).

18. *Муравник Г.* Апология биологической эволюции в контексте дискуссии с «научными» креационистами. С. 194.

19. *Лосев А.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 48.

20. Там же. С. 99, 166, 477.

21. См.: *Максимов Г., свящ.* Правда о «православном» эволюционизме. М.: Православное миссионерское общество имени прп. Серапiona Кожеезерского, 2015. С. 9; *Буфеев К., свящ.* Православное учение о Сотворении и теория эволюции. С. 409.

ную, но бесплодную игру «докажи, что он сектант» (или еретик, в другом случае). И перевес всегда на стороне антиэволюционистов: их больше, и они чувствуют себя увереннее, поскольку игра идет на *их* поле. Оппоненты приписывают им плененность протестантскими мифологемами, а они видят в оппонентах данников тейярдизма и католичества в целом²². При этом одни вполне признают свою идейную зависимость от Тейяра де Шардена, Робина Коллинза, Антуана Суареза и других теистических эволюционистов Запада, а другие со всей решительностью отмежевываются от какого бы то ни было сектантства, прибегая к наработкам протестантских креационистов только в спорах об эволюции. Экуменизм, который исповедуют обычно как раз эволюционисты, чаще всего противен их антагонистам еще более, чем теория Дарвина.

Помимо забвения реальных причин православного отторжения Э-1, концептуальная путаница, наблюдаемая сегодня, сделала практически непригодным термин «креационизм». Сложилось так, что он стал применим к любому верующему в то, что мир создан Богом — пусть даже эволюционным путем; к тем, кого я именую православными антиэволюционистами; к научным креационистам, о которых шла речь выше; и с недавнего времени даже к так называемым атеистическим креационистам, утверждающим, что создателем жизни был не Бог, а, к примеру, инопланетяне. Отсюда мое нежелание пользоваться этим размытым термином.

Дриопитеки, грехопадение, смерть

Теперь, когда сделаны нужные пояснения, обратимся к исходной проблеме: почему в большинстве своем православные не принимают эволюционизм? В начале заметим, что, взятый в форме современной синтетической теории, Э-1 слишком сложен для разума неспециалистов. По этой причине внимание православных (среди верующих специалистов, напомню, лишь немногие отвергают Э-1) в основном привлекают трактовки двух «крайних» точек эволюционной истории: возникновения жизни и происхождения человека. Первое событие остается дискуссионным в науке, выдвинувшей набор гипотез материалистического тол-

22. См.: Роуз С., иером. Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. М.: Валаамское общество Америки, 2004. С. 379, 512–513.

ка, более или менее сомнительных для самих биологов. Взятые сами по себе, без редуccionистских импликаций, с ними связанных, эти гипотезы могут быть вписаны в христианское учение о творении. Но при условии, что механизмы, в них описанные, осмыслены как предустановленные Богом, повелевшим земле «произвести душу живую по роду ее» (Быт 1:24). Большой повод к отвержению Э-1 дает последнее обстоятельство («по роду ее»), в котором многие находят указание на дискретность видообразования, обычно считая, что этот процесс был мгновенным или недолгим. Поэтому здесь нужно затронуть и проблему длительности творения. В силу того, что в патристической традиции нет общей установки на буквальную интерпретацию «шести дней» творения, сегодня лишь младоземельные креационисты, крайние противники Э-1, обращают на него контраргумент, касающийся геологической истории²³.

Сколь бы ни были значимы вопрос о возникновении жизни и темы, с ним смежные, главной мишенью для православной критики служит антропогенез. Относительно этой проблемы Э-1, как верят его приверженцы, пришел к неоспоримым, известным всем выводам. Православным претит идея происхождения человека от животного предка (дриопитека), общего с обезьянами (питекоидная теория), что служит одним из ключевых мотивов несогласия с Э-1 в целом. Но чем именно плоха питекоидная теория? Церковным моралистам она кажется чреватой «скотской» антропологией и «бестиальной» этикой, как будто допущение животного прошлого человека неизбежно отнимает у него богоподобие. Но так ли это в действительности? Неужели мысль о сотворении Адама сразу из праха земного помещает нас, людей, в более благородную перспективу, чем если допустить, что, прежде чем оформиться в *Homo sapiens*, этот прах прошел через ряд других организменных форм? Не придает ли это второе воззрение более глубокий смысл традиционной идее человека как венца творения? Ведь животное происхождение, в сущности, означает то, что человек — это микрокосм, вобравший в себя и превзошедший все остальное творение. Если человек произошел от обезьяноподобных предков, то, в свете Э-1, эти предки возникли из более ранних форм, те из еще более при-

23. См.: Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 22, 13–25; Буфеев К., свящ. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. С. 47–77.

митивных и так вплоть до библейской земной персти. И в первой главе Бытия, буквальность трактовки которой отстаивают анти-эволюционисты, Господь повелевает произвести всех живых существ (до человека) земной и водной стихиям, как бы уравнивая с ними телесную природу человека (Быт 1:20–25). Вспомним и то, с какой охотой христианские моралисты веками выставляли многих животных в качестве образцов высокой нравственности, до которых редко достигают люди.

На самом деле есть куда более веские причины для неприятия научного антропогенеза. Их осознание происходило в ходе развития теистического эволюционизма, который сталкивался с серьезными трудностями при согласовании Э-1 с верованием. Не имея здесь возможности входить в детали этих затруднений, ограничусь их схематическим изложением. Теория животного происхождения человека отрицает подлинность библейской четы прародителей. Согласно ей, ни на каком этапе антропогенеза численность человеческой популяции не могла быть менее нескольких тысяч особей. Отсутствие же Адама и Евы срубает генеалогическое древо библейских патриархов. Другим — намного более существенным, коль скоро речь идет об основных догматах — следствием неисторичности двух прародителей является необходимость пересмотра канонической доктрины о грехопадении. В соответствии с ней, произошедшая в Эдеме катастрофа завершилась кардинальным повреждением человеческой природы. Оно запечатлелось в тленности, а также нравственной и когнитивной ущербности. Оказавшись наследуемыми, эти свойства определили сущность человека. Кроме того, по словам многих отцов церкви, тление распространилось на природный мир, придав глобальные масштабы преступлению праотцев²⁴. Такому пониманию грехопадения был противопоставлен спектр иных трактовок, выработанных христианскими эволюционистами²⁵. Согласно самой влиятельной из них, эдемская катастрофа — не более чем миф, раз не могло быть в реальности ее виновников. Однако это не отменяет значимости первородного греха, осмысляемого в качестве психологического атавизма. В этом свете он представляет собой смесь

24. См. подробнее: Давыденков О., *свящ.* Догматическое богословие. М.: ПСТГУ, 2013. С. 328–351.

25. Их обзор см. в: Храмов А. Эволюция и грехопадение в западном богословии XIX–XX веков // Богословский вестник. 2018. № 30. С. 69–96.

эгоистичности и агрессивности, являющихся частью нашего животного наследия, — той частью, от которой мы должны освободить себя, при Божием содействии, этической работой над собой²⁶. Эта идущая вразрез со всей традицией ревизия слишком радикальна, чтобы быть принятой большинством православных, чем объясняется их противостояние ей и питекоидной теории в целом²⁷.

Не помогает и решение, предлагаемое в рамках альтеризма. По нему, грехопадение произошло не в этом, а в предвечном, невещественном мире, обусловив возникновение падшей, материальной вселенной. Так что, созданная ангелоподобной, чета прародителей (половая разделенность их тогда вызывает недоумение) облеклась в «ризы кожаные» (Быт 3:21), чтобы положить начало естественной истории нашего вида. Кроме серьезных концептуальных затруднений, обнаруживаемых в альтеристской модели²⁸, она обременена чрезмерной спекулятивностью и расхождением с интуитивным восприятием земного мира и жизни как благих по существу. Есть и другие версии согласования научного антропогенеза и библейского нарратива о сотворении человека. Они имеют компромиссный характер, располагаясь между альтеризмом и христианским эволюционизмом и тяготея к одному или другому из этих полюсов. В тех, что ближе к альтеризму, Эдем представлен как бытийно уникальный топос, некогда выделенный из остального земного мира. Там не было ни смерти, ни борьбы за существование, свирепствовавших за его пределами. Изгнанные из Эдема, Адам и Ева перешли во внешний мир, изменившись под стать ему²⁹. Богословы, тяготеющие к эволюционизму, исходят из стандартной антропогенетической теории, вписывая в него свидетельство Писания. В их понимании оно указывает на альтернативный путь эволюции человечества, который остался нереализован-

26. См.: *Лакирев А., свящ.* Почему Бог выбрал эту обезьяну. [б. м.]: Издательские решения, 2021. С. 314–317; *Григорян А.* Соотнесение научной картины мира и библейской истории грехопадения. Часть II. [<https://jesus-portal.ru/truth/articles/sootnesenie-nauchnoy-kartiny-mira-i-bibleyskoy-istorii-grekhopadeniya-chast-ii/>], доступ от 28.02.2023]

27. См.: *Мумриков О., свящ.* Концепции современного естествознания. С. 479.

28. Их разбор см. в: *Гоманьков А.* Библия и природа. С. 18–23, 172–179; *Кириянов Д., свящ.* Теория эволюции в православно-христианском религиозно-философском контексте. С. 112–113.

29. См.: *Кураев А., диак.* Может ли православный быть эволюционистом? С. 39–44; *Мумриков О., свящ.* Концепции современного естествознания. С. 478–479.

ным. Когда наш вид вполне «созрел» естественным образом, Бог избрал из человеческой среды одну чету (в других версиях целую группу), наделив их уникальными свойствами, в том числе потенциальным нетлением, чтобы взрастить новый, высший, вид, несущий в себе Его образ — *Homo imago Dei*. Но по известной причине опыт не удался, и Адам с Евой снова смешались с людьми в естественном состоянии³⁰.

Пересмотр учения о грехопадении и первородном грехе не мог не затронуть доктрины искупления. Включающая ряд теорий, в чем-то противоречащих, в чем-то дополняющих друг друга, она традиционно учит, что основным итог искупления — это возвращение нам бессмертия и наше воссоединение с Богом, первые плоды которого проявляются уже в этой жизни в виде добродетелей и духовной силы. Помещая эту доктрину в эволюционистский контекст, критики Э-1 указывают на принципиальные нестыковки между ними. Так, о. К. Буфеев, нападающий на питекоидную теорию, утверждает, что христианские эволюционисты «во-первых, должны приписывать этих же “предков” (обезьян и промежуточные виды. — А.К.) Сыну Человеческому, и, во-вторых, веровать, что всю доадамовскую “родню” Господь также искупил Своею кровью на Голгофе. Такой сотериологии Церковь не знает»³¹. Не знает и знать не может, подтвердят его оппоненты, поскольку так называемые «предки» и «родня» по отношению к человеку — это строительный материал, из которого постепенно «вылеплялся» его организм. Но здесь скрывается еще одна проблема, которая относится к определению границ, отделяющих человечество как объект искупления и спасения от близких форм: неандертальцев, денисовцев и других антропоидов. Она, очевидно, неразрешима. Но почему бы не оставить ее Творцу и не руководствоваться той антропологической щедростью, которая была присуща церкви в сходных ситуациях: в вопросах о крещении новорожденных уродцев, об определении статуса обитателей новооткрытой Америки и т.д.? Но эта проблема и явно искусственная, если доктрину искупления трактовать в эволюционистском русле не изолированно, а вкупе с возникновением человека, грехопадением и сутью первородного греха. В этом свете она будет

30. См., в частности: Григорян А. Соотнесение научной картины мира и библейской истории грехопадения. Часть II.

31. Буфеев К., свящ. Ересь эволюционизма [http://shestodnev.narod.ru/sbornik/rev_kbufeev_eresy.html, доступ от 10.07.2021].

понята не столько как уврачевание Христом нашей греховности, идущей *из прошлого* (психологические атавизмы сами по себе нейтральны — греховны акты, совершаемые нами под их влиянием, когда у нас имеется возможность их не совершать), сколько как открытие Им *новых* экзистенциальных горизонтов, к которым призваны мы двигаться, все больше удаляясь от своих животных истоков, и дарование нам благодатной силы для этого развития. Но если нет греховности вообще, в качестве свойства человеческой природы, а есть только конкретные греховные поступки и, соответственно, индивидуальные отказы от их совершения, то имеет ли смысл учить об универсальности искупления? Не утрачивает ли это ключевое понятие метафизическое измерение в пользу чисто этического, так что и распространяться искупление может только на этических субъектов? Скажем, можно ли считать тогда искупленными сумасшедших и младенцев? И коль скоро в этом пункте православного вероучения утверждается идея всеобщности, приходится согласиться с мнением о. Олега Мумрикова, что, имея дело с тейярдизмом и любой иной модификацией христианского эволюционизма, отличающейся последовательностью, «мы встречаемся... с опасной тенденцией, в корне подрывающей догматическое учение о первородном грехе и, соответственно, об Искуплении»³².

В этой связи нужно назвать еще одну фундаментальную проблему, разъединяющую эволюционистов и их оппонентов: возникновение смерти в мироздании³³. По традиционному учению, основанному на нескольких библейских свидетельствах (Прем 1:13, Рим 5:12, Рим 8:19–22), она вошла в нетленный прежде мир вместе с грехопадением Адама, став земной участью всего живого. Напротив, по Э-1, тленность — это изначальный атрибут всех организмов, включая человека. Люди имели долгую цепь животных «предков», которые не могли сменять друг друга без умирания. То, как это разноречие снимается в христианском эволюционизме, в общих чертах должно быть ясно из рассмотренных интерпретаций грехопадения. Крайний путь, предполагающий небуквальную трактовку истории Адама и Евы, состоит в принятии всех выводов Э-1 — но с дополнением, что Боговоплощение стало зало-

32. Мумриков О., *свящ.* Концепции современного естествознания. С. 460.

33. Изложение позиции антиэволюционистов см. в: Буфеев К., *свящ.* Православное учение о Сотворении и теория эволюции. С. 315–334; Максимов Г., *свящ.* Правда о «православном» эволюционизме. С. 72–80.

гом будущего воскресения каждого человека. Есть и как минимум два компромиссных решения. Одно гласит, что, хотя тленными были исконно все живые существа, в том числе люди, Бог наделил способностью к бессмертию избранную пару (или группу) из среды последних, но та, не сохранив ее, вернулась в состояние тления. В согласии с другим, более близким к традиционному, охватывавшая весь природный мир смертность, однако, не распространялась изначально на Адама и Еву (или первоначальное человечество). Поселенные Творцом в Эдеме, существовавшем по другим биологическим законам, они разрушили этот особый природный режим, подпав под власть обычных законов внешнего мира. Общей чертой всех эволюционистских версий, как видим, служит тезис о неизменной тленности, царящей в природе. И в тех из них, что выделяют человека из общего строя творения, как *ставшего* смертным по своей вине, есть необходимость в уточнении понятия смерти, отделяющем ее от природного тления. Смерть мыслится в них прежде всего как экзистенциальное событие, а не физиологический процесс, и прилагается только к существованию человека³⁴.

Конфликт интерпретаций

Сколько бы ни изощряли ум в создании компромиссных моделей и пересмотре некоторых пунктов вероучения православные сторонники Э-1, они не могут преуспеть в переубеждении своих церковных оппонентов. Дело в том, что антиэволюционистские воззрения последних мало зависят от рационального качества доводов *pro* и *contra*. Непокосимостью их позиции поуютятся на других основаниях — там, где категорически отрицается не возможность, а желательность и тем более нужда в таком согласовании. Именно там, на уровне мотивации, их позиция несокрушима. Чтобы понять основания этой силы, хватит двух предложений о. Серафима Роуза, исполненных почти детскою простотою, способной рассеять все подозрения в научности его и всего православного креационизма:

Если бы это (животное происхождение человеческого тела. — А.К.) было так, то, уж конечно, боговдохновенные Отцы знали бы об этом,

34. См. Кураев А., диак. Может ли православный быть эволюционистом? С. 47–48; Гоманьков А. В. Библия и природа. С. 21–22.

и нам не нужно было бы ждать, пока философы-атеисты XVIII–XIX веков откроют это и расскажут нам! Но нет, святые Отцы хотя и веровали, что все творение пало вместе с Адамом, но не веровали в то, что Адам «эволюционировал» от какой-то иной твари; зачем же я буду веровать иначе, чем святые Отцы?³⁵

Возведенная в принцип *sancta simplicitas* повторяет ту детскость, с которой сами отцы, считает Роуз, читали начало Библии: «Святые Отцы... принимали текст Книги Бытия совсем просто, не выводя из него каких-либо “научных теорий” или аллегорий»³⁶. И хотя их толкование Бытия не было столь уж простым (неоспоримо, что, имея часто лучшее образование по меркам своей эпохи, эти мыслители при надобности опирались на современные им натурфилософские теории, свободные от той экзегетической традиции, которая лишь создавалась в их работах, чтобы окаменеть, став неизменной, впоследствии), они за редким исключением действительно считали, что все поразительное множество видов жизни было создано дискретно и мгновенно (в зависимости от дня творения), согласно актам Божественной воли. Так что в этом отношении Роуз, Буфеев, Сысоев и иже с ними совершенно правы: «Эволюционизм предлагает объяснение творения, альтернативное святоотеческому»³⁷. И все, что могут сделать с этим фактом православные эволюционисты, — это собирать те патристические «крохи», которые, не без натяжек, поддаются выгодной им интерпретации. Напротив, стоя крепко на святоотеческом учении, их оппоненты отмечают характерный перевес: в трудах отцов есть очень мало мест, хотя бы косвенно свидетельствующих в пользу Э-1, и в то же время нет ни одного биологического факта, который бы указывал на эволюцию и не мог быть истолкован в креационистском русле³⁸. При этом эвристический потенциал Э-1 в целом не принимается в расчет, так как истинная наука сводится Роузом к набору достоверных

35. Роуз С., иером. Православный взгляд на эволюцию // Роуз С., иером. Приношение православного американца. М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 2003. С. 480.

36. Там же. С. 463. Об этом же буквализме отцов, проистекавшем из их «простого, детского доверия Богу и Его описанию творения», учит и о. Г. Максимов (см. Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 97–98).

37. Роуз С., иером. Православный взгляд на эволюцию. С. 515; см. также: свящ. Буфеев К. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. С. 401.

38. Роуз С., иером. Православный взгляд на эволюцию. С. 460.

фактов о природном мире, а всякая обобщающая теория признается натуралистической философией. Любая разновидность этой философии, не построенная на библейско-патристическом фундаменте, является, самое меньшее, сомнительной. Ибо она есть только «плод усилий тварного ума, ...несущего на себе все последствия грехопадения», — учит о. Г. Максимов³⁹. Когда мирские ученые тщатся исследовать само возникновение Земли и ее обитателей, они обречены впасть в заблуждение, не будучи просвещены Откровением⁴⁰. Этим знанием о мире владеет только «истинная философия» Моисея в изложении святых отцов. Пусть и знавшие физические «факты» хуже, чем ученые наших дней, пророк-бытописатель и святые отцы пребывали «в состоянии Божественного созерцания, которое находится за пределами естественного знания» и одно лишь дает доступ к знанию предельных тайн⁴¹.

Эти краеугольные идеи православных антиэволюционистов покоятся на ряде презумпций, некогда свойственных всей европейской культуре⁴², но утраченных ею в Новое время. К числу важнейших из них относится а) доверие внешнему авторитету: Писанию, безоговорочно отождествляемому с Откровением как *непосредственным* свидетельством *самого Бога*, и Преданию, *абсолютная* достоверность которого обеспечена особым действием Творца во всей дальнейшей истории. Так что вопрос об отношении к Э-1, противоречащему букве Писания и Преданию, удобно сводится к «вопросу о доверии Богу», который учит о творении совсем иначе⁴³; б) представление о гармоническом согласии двух великих Книг Бога: Природы и Библии, которая — вопреки всем выводам исторической критики, мало воспринятым в России, — как уже сказано, отождествляется с Откровением. Причем в аспектах, релевантных Книге Природы, смысл Откровения делается ясным из буквального понимания Библии: если Бог сказал, что сотворил мир за шесть дней, значит так оно

39. Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 13.

40. См. там же. С. 464; Вертьянов С. Происхождение жизни: факты, гипотезы, доказательства. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. С. 123–125.

41. См.: Роуз С., иером. Православный взгляд на эволюцию. С. 485–487. Ср.: «Они (Отцы. — А.К.) знали, как все было на самом деле, потому что Бог открывал им истину» (Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 43).

42. Исключением отчасти является презумпция с), требующая отдельного обсуждения.

43. Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 69.

и было в реальности. Напротив, эволюционисты если и пользуются традиционным образом двух Книг, то только в фигуральном смысле, чаще всего не допуская мысли о прямых и однозначных соответствиях между ними. В этом смысле Природа сравнивается с книгой потому, что она доступна рациональному познанию — средствами естественных наук, а не герменевтики, сродни библейской; с) Откровение, как оно запечатлено в Писании и истолковано в трудах отцов, может пролить свет на «темные места» Книги Природы, необъяснимые по-другому; d) со своей стороны мирская наука неспособна на то же в отношении Откровения, ее функция здесь состоит в разъяснении отдельных деталей флоры, фауны, этнографии и т.д., упоминаемых в Библии; ибо e) что бы ни писали о так называемом «картезианском повороте», человек как он есть — не познавший сверхъестественного озарения, даруемого Богом некоторым из тех, кто очистил сознание аскетическим подвигом, — не может прийти к постижению «истинной философии» Природы⁴⁴. Тем временем православные эволюционисты вполне доверяют выводам естественных наук, сделанным неверующими учеными... И поскольку мы, грешные, не имеем сами подобного благодатного опыта, нам не следует пускаться в собственные экзегетические поиски, как то любят делать православные эволюционисты, и тем более внимать безбожной науке — учат Роуз, Буфеев и проч. Вместо этого будем стоять на камне патристической доктрины творения, сколь бы нелепым это ни казалось «внешним», ведь «неужели в угоду научно-критической мысли стоит поступаться неложным Божиим Откровением?»⁴⁵.

Таким образом, явный антиинтеллектуализм рассмотренной позиции подтверждает ее нетождественность научному креационизму. Корректнее и честнее было бы определить ее как православный фундаментализм. В отличие от протестантского собрата, в вопросе о генезисе форм жизни он учит о необходимости *по преимуществу* буквального прочтения библейского зачина, поскольку *так* его толкует в основном святоотеческая экзегеза, ставшая парадигмальной в православной традиции. По наблюдениям Джона Дика, фундаменталисты всех мастей «убеждены

44. О понятии картезианского поворота см.: Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. С. 32.

45. Буфеев К., свящ. Ересь эволюционизма.

в существовании только одной истины, которая непогрешима, очевидна и неизменна»⁴⁶. В частности, представители рассматриваемого типа твердо верят, что существует абсолютно чистая в своей неповрежденной богооткровенности и богодухновенности историческая форма христианства, свободная от примеси социокультурных, контингентных презумпций, установок и ценностей. Беря на себя роль хранителей этой истины и ее абсолютной формы, подвергаемых опасностям и нападкам, они мыслят себя как часть вселенской борьбы добра (православия в его чистоте и неизменности) и зла (ересей и атеизма). И раз ставки крайне высоки, они склонны демонизировать своих оппонентов как еретиков и вероотступников, что объяснимо в контексте той своеобразной интерпретации, которую они дают событиям и всему ходу истории и которой я коснусь далее⁴⁷.

Коль скоро мы имеем дело с фундаментализмом, то за поверхностью его борьбы с Э-1 и косвенно с Э-2 мы должны видеть коренной вопрос о власти и авторитете: кто, наука или Церковь, обладает правом высказать последнее, самое веское слово о мире, человеке и истории? Православные фундаменталисты убеждены, что таким правом обладает Церковь — *их* Церковь, — с той оговоркой, что ей они нередко противопоставляют не науку как таковую. Сводимая к наборам фактических данных и ограниченным в своем охвате теориям, всегда остающимся под сомнением, она может признаваться неспособной к такому противоборству. В роли действительных соперников Церкви в борьбе за право на финальное слово наши фундаменталисты склонны видеть те конкретные идеолого-политические силы, которые используют Э-1 для насаждения антиправославной формы Э-2: атеистическую интеллигенцию, возросшую на закваске Просвещения, коммунизма или даже язычества, а в пределах православия — церковных либералов и экуменистов⁴⁸.

46. Дик Дж. Христианский фундаментализм. Сделано в Америке // Богословие творения / Под. ред. А. Бодрова и М. Толстолуженко. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 257.

47. См. там же: базовые признаки религиозного фундаментализма; Marsden, G. M. (2006) *Fundamentalism and American Culture*, pp. 259–260. Oxford, New York: Oxford University Press.

48. См.: Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 4–5; Буфеев К., свящ. Ересь эволюционизма; Катасонов В. Лжепророки последних времен.

Морок истории

Я говорил в начале, что как бы ни претила православным эволюционная теория сама по себе, главный очаг угроз для них находится не в Э-1, а в тех мировоззренческих выводах (Э-2), которые из него делаются со времени выхода в свет «Происхождения видов». Естественно, не во всех: одна их часть, не выходящая за грань естествознания, нейтральна в отношении православия, другая же — ей свойственны идеологическая нагруженность и нигилистический пафос — явно враждебна. К этой второй прежде всего относятся попытки реформировать этику в духе метафизического натурализма, начатые биологами-материалистами XIX в. и продолжаемые в наши дни Сапольски, де Ваалем и прочими. Но есть еще один тип следствий, который обуславливает мировоззрение более кардинально, чем предыдущие, делая его не враждебным, а просто несовместимым с православно-фундаменталистским. Ключевое следствие этого типа касается понимания истории.

И эволюционизм, и русское православие пристрастны к истории. Оба приоритезируют историческую перспективу при осмыслении чего-либо и потому тяготеют к музейности. Однако тональность их историзма полярно различна. Э-1 доказывает свои положения фактами, в которых наглядна преемственность и в некоторых случаях параллелизм форм, через которые текло необратимое изменение жизни. Отмечая, что этот процесс нередко движется путями деградации, состоящей в упрощении функционала и организации этих форм, и обрывается в ветвях, которые оказываются тупиковыми, Э-1 все же рисует его в оптимистичных тонах прогресса. Эволюционист говорит «да» истории со всеми ее трагическими случайностями, так как, не будь ее, все живое бы исчерпывалось горсткой примитивных видов и природный мир, если использовать библейский оборот, оставался бы «безвидным и пустым». Творческий оптимизм в отношении истории, сообщенный европейскому мировоззрению Просвещением, был одновременно проблематизирован и усилен Э-1. Просвещение гарантировало прогресс, Э-1, став сердцевиной нового мировоззрения, гарантирует лишь невозможность статики: может быть и подъем, и гибель, но только не неизменность. Итак, в Э-2 прогресс превратился из константы в задачу, от решения которой зависят не только судьбы цивилизации, но и всего природного мира. Согласно Э-2, в лице

человека природа обрела существо, которое может и потому должно взять под контроль эволюцию, чтобы сознательно управлять ею в дальнейшем.

Ясно, что в глазах православных такого и вообще любого рода прометеизм есть верх нечестия. Дело не просто в безмерной самонадеянности, мнимо дарующей смертным прерогативу Бога. Антипатия к прогрессу как черте Э-1 и прогрессизму как черте Э-2 имеет и более общую причину. Я говорю об историческом пессимизме, побуждающем православных — в той мере, в какой они фундаменталисты, — говорить «нет» истории. Это может казаться странным на фоне пристрастия к ней, которое явствует из речей духовенства, учебных планов духовных школ и т. д. В. В. Розанов (1856–1919) однажды заметил, что Русская церковь научила народ помнить о прошлом. В этом есть правда, но она не наделяет историю радужным колоритом. Скорее, напротив, история преодолевается здесь в попытке остановить ее, ибо, с позиции православного мировоззрения, она в существе своем есть деградация. Такая историософия, присущая традиционным культурам, всегда зиждется на мифе о «золотом веке». В рамках русского православия он дает о себе знать в нескольких формах, дополняющих друг друга: в сфере вероучения — это библейская история о Рае и его утрате, в области церковной истории — эпоха Вселенских соборов, а в сфере приходского проповедничества — условное время «наших благочестивых предков», предлагаемых пастве в качестве нравственного эталона. Таким образом, православная тяжба с эволюционизмом — это в том числе и борьба за толкование и смысл истории:

Вера в эволюцию (тейярдизм. — А. К.) предполагает ожидание в будущем все большей гармонии и совершенства в сферах социальной и природноэкологической. Православная вера противоположна: Мир (sic!) идет к своему Концу и общему упадку. Учение эволюционизма говорит, что прежде были лишь хаос и примитивные формы существования материи... Христианство, в противоположность этому, исповедует библейскую веру в то, что совершенным было творение в самом начале⁴⁹.

Удивительным образом исторический пессимизм православия, проглотив, переварил само Боговоплощение — это самое опти-

49. Буфеев К., свящ. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. С. 207.

мистическое событие мировой истории, разделившее ее надвое. В «русском» итоге Боговоплощение освятило материю, но не историю. Радостная весть первых веков христианства завершилась на нашей почве грустным увещанием о том, что «на земле все неверно и все неважно, все недолговечно, а действительность и вековечность настанут после гибели Земли и всего живущего на ней... Верно только *одно* — точно, *одно*, одно только *несомненно* — *это то, что все здешнее должно погибнуть!* И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений?» (К. Н. Леонтьев)⁵⁰. Православным слышатся в звуках истории отчетливые апокалипсические обертоны: она дурна в своей усиливающейся порче и потому должна быть взорвана в последней битве зла с добром. Должна и скоро будет. Слова предупреждения о. Серафима Роуза: «Уже позднее, чем ты думаешь», — воспринимаются иначе, если возраст мира исчисляется всего лишь в тысячах, а не миллиардах лет. И в силу связанности категорий времени и пространства, историческая узость мироздания коррелирует с его пространственной компактностью. Если первая благоприятствует обострению эсхатологических предчувствий, то вторая — усилению эксклюзивизма, не признающего провиденциальный смысл культурного разнообразия в мире и утверждающего абсолютность собственной традиции. Здесь вспоминается еще один известный мем — «православие или смерть», который, как и слова Роуза, можно встретить иногда на черных футболках.

Никаких полутонов и никаких колебаний! Ибо если не сам Антихрист, то его предтечи уже ходят среди людей, приготавливая для них последнее, самое страшное испытание. И православие всегда как будто занималось подготовкой к этому испытанию, стремясь стать непреступным бастионом, твердыней, неподвластной изменениям, идущим извне. Но стать твердыней можно лишь ценой развития и самой жизни, невозможной без динамики. По этой причине традиционный идеал индивидуального аскетизма (умерщвление плоти и смерть для мира) естественно дополнился идеалом институционального эскапизма (выход из истории). Будучи нарастающим оскудением бытия, его поглощением меоном, процесс истории как будто был оставлен Богом во владение дьявола. Так что бегство из него — это не смерть, а именно спасение: сохранение животворящего духа и отсвета Рая. На взгляд

50. Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007. С. 576, 581.

многих верующих, Церковь, взятая не только в мистическом измерении, но и в подробностях ее земного, социокультурного тела, намного глубже укоренена в бытии, чем все прочие социальные институты, кроме семьи, и даже природный мир, чьи законы она может отменять в своих таинствах. И если Церковь бытийна по преимуществу, то движение истории, вызванное грехопадением, настолько же призрачно и подобно дурному сну. История, вотчина темных сил, неизменно враждебна Церкви, которая стремится преодолеть ее и рассеять⁵¹. В свою очередь морок истории продолжает захватывать мир, поглотив даже львиную долю христианства — уже бывшие церкви, которые встали на путь реформ, догматических новшеств и самочинных соборов, отпадая все дальше от истины православия.

Таким образом, в этом свете эволюционизм предстает как формула демонической изменчивости, скрывающей ее призрачность авторитетом научной теории, чтобы увлечь сколь можно больше умов идеями: развитие так же прекрасно и величественно, как жизненно необходимо. «Ложь!» — перечат фундаменталисты, утверждая, что по-настоящему прекрасна нерушимая верность заветам предков, древнему домострою и седой монархии, а действительно необходимо из всех сил смирно стоять на камне церковного предания. «При таком (глубоко пессимистическом. — А.К.) взгляде на мир, — учит один ниспровергатель Э-1, — единственное, что нам остается, — это прекратить всякие прогрессистские мечтания и принять единственно верный библейский взгляд на космогонию и метаисторию, разъясненный святыми Отцами»⁵².

Заключение

Вопреки распространенному мнению, православное отвержение эволюционизма не является ни прямым следствием, ни побочным эффектом религиозности как таковой. Оно также несводимо к местной разновидности научного креационизма, привнесенного с Запада в русское православие за последние полвека. То, что следует в нем видеть по преимуществу, — это плод специфичного русско-православного фундаментализма. Если теория эволюции действительно отвергается большинством православных, то, несмотря на словарную дефиницию, сводящую фундаментализм

51. См.: *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М: Coda, 1997. С. 104.

52. *Тимофей, свящ.* Две космогонии. С. 86.

к отдельным религиозно-политическим течениям дурного рода, это свойство — не во всех, а в данном отношении — обнаруживает вся конфессия и ее учение. Как еще, как не с позиций фундаментализма, можно противостоять теории, почти снискавшей общее признание в качестве общенаучной, если не общекультурной, парадигмы? Как еще может быть брошен вызов той картине мира, что преобладает в современности?

Я показал, что в корне эволюционистских споров лежит вопрос о власти и авторитете, эту власть оправдывающем: кому — науке или Церкви — принадлежат право и долг произносить решающее слово о мире в любой момент его истории? Чаше всего они, по счастью, говорят о разном, но есть темы, где их компетенции сталкиваются. Вероятно, что и там можно было бы избегать конфликта, если бы противоречия не достигали уровня метафизических и, шире, мифогенных представлений, фундамирующих религию и, пусть в меньшей степени, науку. Но именно на этом уровне дается первое решение и общего вопроса о власти, и частного вопроса об отношении к эволюционной доктрине. В перспективе, заданной мифом о «золотом веке» и идеей истории как деградации, мысль о том, что набожные интеллектуалы поздней античности, в дальнейшем названные отцами церкви, имели более верную космологию и биологию, чем сегодняшние ученые, вовсе не выглядит абсурдной, как при взгляде с иной — привычной нам, но вряд ли более оправданной — прогрессистской точки зрения.

Если отвлечься от обеих перспектив и подойти к проблеме эволюционизма со сколь можно более нейтральной позиции, она, как верно учат фундаменталисты, в конечном счете будет сведена к вопросу о доверии: чему и кому склонен больше доверять каждый причастный к ней спорщик? Но на мой взгляд, противоречащий их взгляду, реальный выбор совершается не между Богом и Его абсолютным учением, с одной стороны, и еретической доктриной, с другой. Он происходит между разными (церковной и научной) культурными традициями и их институтами. И так как обе стороны в той или иной мере относительны, наш выбор может не иметь формата «или-или». Понимая это, православные сторонники Э-1 настаивают на различении абсолютно-го ядра в вероучении и допускающей ревизию периферии. Они считают, что в отношении первого необходимо доверять церковной традиции, а относительно второй возможно большее доверие науке, имеющей право давать основание для пересмотра отдель-

ных участков периферии. Абсолютизируя церковную традицию и тем самым девальвируя научную, фундаменталисты проводят мысль о невозможности такого различения. С их точки зрения, вероучение, непосредственно данное Богом и содержащее в себе «полноту знания, полноту истины», не имеет изменяемой периферии⁵³. Соответственно, ни в одном из своих пунктов оно не может допустить диктата науки. Некоторым оправданием их позиции служит то, что примирение православия и теории эволюции требует очень серьезных догматических изменений, касающихся трактовки происхождения человека, грехопадения, первородного греха и искупления. Хотя эти изменения не затрагивают прямо Символ веры, но весьма близко подступают к нему, в силу чего периферийный статус этих пунктов вероучения совсем не очевиден. Проведение такой ревизии потребовало бы чрезвычайных богословских усилий, но очевидно, что церковное сознание совершенно не готово к ним.

Библиография / References

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997.
- Вертянов С. Происхождение жизни: факты, гипотезы, доказательства. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009.
- Гоманьков А. В. Библия и природа. Эволюция, креационизм и христианское вероучение. М.: ГЕОС, 2014.
- Григорян А. Соотнесение научной картины мира и библейской истории грехопадения. Часть II [<https://jesus-portal.ru/truth/articles/sootnesenie-nauchnoy-kartiny-mira-i-bibleyskoj-istorii-grekhopadeniya-chast-ii/>], доступ от 20.01.2022].
- Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015.
- Дик Дж. Христианский фундаментализм. Сделано в Америке // Богословие творения / Под. ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 256–265.
- Дьяк. Кураев А. Может ли православный быть эволюционистом? М.: Христианская жизнь, 2006.
- Иером. Роуз С. Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. М.: Валаамское общество Америки, 2004.
- Иером. Роуз С. Приношение православного американца. М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 2003.
- Катасонов В. Ю. Лжепророки последних времён. Дарвинизм и наука как религия. М.: Издательский дом «Кислород», 2017 [http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24185588], доступ от 20.07.2021].

53. Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. С. 125; Буфеев К., свящ. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. С. 401.

- Конашев М. Б. Эволюционная теория и нео-модернизация России // Пивоваров Ю. С. (ред.) Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2010. С. 77–83.
- Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
- Максимов Г. Тупик «православного» эволюционизма [<https://www.pravmir.ru/tupik-pravoslavnogo-evolyucionizma/>, доступ от 4.08.2021].
- Мамонтов С. Г. Комментарий к дискуссии «Надо ли пересматривать теорию Дарвина?» // В защиту науки. Бюллетень № 4 / Под ред. Э. П. Круглякова. М.: Наука, 2008. С. 23–34.
- Муравник Г. Апология биологической эволюции в контексте дискуссии с «научными» креационистами // Вера и знание: взгляд с Востока / под ред. Т. Оболевич. М.: Издательство ББИ, 2014. С. 169–198.
- Борисов А., свящ. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви. М.: Лига-Фолиант, 1994.
- Буфеев К., свящ. Ересь эволюционизма [http://shestodnev.narod.ru/sbornik/rev_kbufeev_eresy.html, доступ от 10.07.2021].
- Буфеев К., свящ. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. М.: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014.
- Давыденков О., свящ. Догматическое богословие. М.: ПСТГУ, 2013.
- Кириянов Д., свящ. Теория эволюции в православно-христианском религиозно-философском контексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. Ч. 1. С. 109–113.
- Максимов Г., свящ. Правда о «православном» эволюционизме. М.: Православное миссионерское общество имени прп. Серапиона Кожеезерского, 2015.
- Мумриков О., свящ. Концепции современного естествознания: христианско-апологетический аспект. Учебное пособие для духовных учебных заведений. Сергиев Посад; М.: Паломник, 2013.
- Ромашко А., свящ. О сектантском происхождении так называемого научного креационизма // Богословский сборник. Новосибирск, 2007 [<http://www.bogoslov.ru/text/393452.html>, доступ от 15.08.2021].
- Сысоев Д., свящ. Курс лекций по Догматическому Богословию. Специальное издание для миссионерской работы. М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2011.
- Тимофеев, свящ. Две космогонии. Эволюционная теория в свете святоотеческого учения и аргументов креационной науки. М.: Паломник, 1999.
- Серебряков Н. С. Проблема соотношения библейского повествования о творении мира и человека с научным естествознанием // Труды семинара «Наука и вера» ПСТГУ. Вып. 1. 2011. С. 88–111.
- Тихонов А. И., Федотов А. А. Эволюционизм, креационизм... или что-то третье? // Богослов.ру. 10.08.2015 [<http://www.bogoslov.ru/text/4662787.html>, доступ от 15.02.2022].
- Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
- Хен Ю. В. Дарвинизм как картина мира // Идея эволюции в биологии и культуре / Под ред. О. Е. Баксанского, И. К. Лисеева. М.: Канон+, 2011. С. 397–408.

- Храмов А. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4(33). С. 84–109.
- Храмов А. В. Эволюция и грехопадение в западном богословии XIX–XX веков // Богословский вестник. 2018. № 30. С. 69–96.
- Alexander, D. R., Numbers, R. L. (eds) (2010) *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Averintsev, S. S. (1997) *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. M.: Coda.
- Borisov, A. (1994) *Pobeleвшie nivы. Razmyshleniia o Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Whitened nivas. Reflections on the Russian Orthodox Church]. M.: Liga-Foliant.
- Bufeev, K. *Eres' evoliutsionizma* [The Heresy of Evolutionism] [http://shestodnev.narod.ru/sbornik/rev_kbufeev_eresy.html, accessed on 10.07.2021].
- Bufeev, K. (2014) *Pravoslavnoe uchenie o Sotvorenii i teorii evoliutsii* [The Orthodox Doctrine of Creation and the Theory of Evolution]. M.: Russkii izdatel'skii tsentr imeni sviatogo Vasilii Velikogo.
- Goman'kov, A. V. (2014) *Bibliia i priroda. Evoliutsiia, kreacionizm i khristianskoe verouchenie* [The Bible and Nature. Evolution, Creationism, and Christian Doctrine]. M.: GEOS.
- Grigoryan, A. (2021) *Sootnesenie nauchnoi kartiny mira i bibleiskoi istorii grekhopadeniia. Chast' II*. [Correlation of the scientific picture of the world and the biblical history of the fall. Part II] [<https://jesus-portal.ru/truth/articles/sootnesenie-nauchnoy-kartiny-mira-i-bibleiskoy-istorii-grekhopadeniya-chast-ii/>, accessed on 20.01.2022].
- Danilevskii, N. Ia. (2015) *Darvinizm. Kriticheskoe issledovanie* [Darwinism. Critical study]. M.: FIV.
- Davydenkov, O. (2013) *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic theology]. M.: PSTGU.
- Dik, Dzh. (2013) "Khristianskii fundamentalizm. Sdelano v Amerike" [Christian fundamentalism. Made in America], in A. Bodrov, M. Tolstoluzhenko (eds) *Bogoslovie tvoreniia*, pp. 256–265. M.: Izdatel'stvo BBL.
- Katasonov V. Iu. (2017) *Lzheproroki poslednikh vremen. Darvinizm i nauka kak religiiia* [False prophets of the last times. Darwinism and Science as a Religion]. M.: Izdatel'skii dom "Kislorod" [http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24185588, accessed on 20.07.2021].
- Khen Iu. V. (2011) "Darvinizm kak kartina mira [Darwinism as a picture of the world] in O. E. Baksanskij, I. K. Liseev (eds) *Ideia evoliutsii v biologii i kul'ture*, pp. 397–408. M.: Kanon.
- Khramov, A. V. (2017) "Fitting Evolution into Christian Belief: An Eastern Orthodox Approach", *International Journal of Orthodox Theology* 8(1): 75–105.
- Khramov, A. V. (2015) "Teisticheskaiia evoliutsiia i darvinizm: ot voyny k miru" [Theistic Evolution and Darwinism: from War to Peace], in *Gosudarstvo, religiiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33(4): 84–109.
- Khramov, A. V. (2018) "Evoliutsiia i grekhopadenie v zapadnom bogoslovii XIX–XX vekov" [Evolution and the fall in western Christian theology of the XIX and XX centuries], in *Bogoslovskii vestnik* 30: 69–96.
- Kir'yanov, D. (2017) "Teoriia evoliutsii v pravoslavno-khristianskom religiozno-filosofskom kontekste" [The theory of evolution in the Orthodox-Christian religious-philosophical context], in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 2. P. 1, pp. 109–113. Tambov: Gramota.

- Konashev, M. B. (2010) "Evolutsionnaia teoriia i neo-modernizatsiia Rossii" [Evolutionary Theory and Neo-Modernization of Russia], in Iu. S. Pivovarov (ed.) *Nauchnoe, ekspertno-analiticheskoe i informatsionnoe obespechenie natsional'nogo strategicheskogo proektirovaniia, innovatsionnogo i tekhnologicheskogo razvitiia Rossii*. Ch.1., pp.77–83. M.: INION.
- Kuraev, A. (2006) *Mozhet li pravoslavnyi byt' evolucionistom?* [Can an Orthodox be an evolutionist?] M.: Hrisitanskaja zhizn'.
- Leont'ev, K. (2007) *Vostok, Rossiia i Slaviansstvo* [The East, Russia and Slavs]. M.: Eksmo.
- Losev, A. F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. M.: Mysl'.
- Maksimov, G. (2015) *Pravda o "pravoslavnom" evoliutsionizme* [The Truth About "Orthodox" Evolutionism]. M.: Pravoslavnoe missiionerskoe obshchestvo imeni prp. Serapiona Kozheozerskogo.
- Maksimov, G. *Tupik "pravoslavnogo" evoliutsionizma* [The Impasse of "Orthodox" Evolutionism] [https://www.pravmir.ru/tupik-pravoslavnogo-evolyucionizma/, accessed on 4.08.2021].
- Mamontov, S. G. (2008) "Kommentarii k diskussii 'Nado li peresmatrivat' teoriuu Darvina?'" [Commentary on the discussion "Is it necessary to revise the theory of Darwin?"], in E. P. Krugliakov (ed.) *V zashchitu nauki. Bulletin' № 4*, pp. 23–34. M.: Nauka.
- Marsden, G. M. (2006) *Fundamentalism and American Culture*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Mumrikov, O. (2013) *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniia: khristiansko-apologeticheskii aspekt* [Conceptions of Modern Natural Science: The Christian-Apologetic Aspect]. Sergiev Posad; M.: Palomnik.
- Muravnik, G. (2014) "Apologiia biologicheskoi evolutsii v kontekste diskussii s 'nauchnymi' kreatsionistami" [An Apology of biological evolution in the context of discussion with "scientific" creationists], in Obolevich T. (ed.) *Vera i znanie: vzgliad s Vostoka*, pp. 169–198. M.: Izdatel'stvo BBI.
- Romashko, A. (2007) "O sektantskom proiskhozhdenii tak nazyvaemogo nauchnogo kreacionizma" [On the sectarian origin of the so-called scientific creationism], in *Bogoslavskii sbornik*. Novosibirsk, [http://www.bogoslov.ru/text/393452.html, accessed on 15.08.2021].
- Rouz, S. (2004) *Bytie: sotvorenie mira i pervye vetkhovavetnye ludi* [Genesis: the creation of the world and the first Old Testament people]. M.: Valaamskoe obshchestvo Ameriki.
- Rouz, S. (2003) *Prinoshenie pravoslavnogo amerikantsa* [An offering of an Orthodox American]. M.: Rossiiskoe otdelenie Valaamskogo obshchestva Ameriki.
- Ruse, M. (2017) *Darwinism as Religion: What Literature Tells us About Evolution*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Serebriakov, N. S. (2011) "Problema sootneseniia bibleiskogo povestvovaniia o tvorenii mira i cheloveka s nauchnym estestvoznaniem" [The problem of correlation of the biblical narrative about the creation of the world and man with natural science], in *Trudy seminara*. Vol. 1, pp. 88–111.
- Sysoev, D. (2011) *Kurs lektsii po Dogmaticeskomu Bogosloviu. Spetsial'noe izdanie dlia missiionerskoi raboty* [The course of lectures on dogmatic theology. Special edition for missionary work]. M.: Blagotvoritel'nyi fond "Missiionerskii tsentr imeni ierodia Daniila Sysoeva".
- Tikhonov, A. I., Fedotov, A. A. (2015) "Evoliutsionizm, kreacionizm... ili chto-to tret'e?" [Evolutionism, creationism ... or something third?], Bogoslov.ru, 15 August [http://www.bogoslov.ru/text/4662787.html, accessed on 15.02.2022].

- Timofei, (priest) (1999) *Dve kosmogonii. Evoliutsionnaia teoriia v svete sviatootecheskogo ucheniia i argumentov kreatsionnoi nauki* [Two cosmogonies. The evolutionary theory in the light of the patristic teaching and creationistic science arguments]. M.: Palomnik.
- Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub'jekta: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of Subject: the course of lectures read in College de France in 1981–1982 academic year]. SPb.: Nauka.
- Vert'ianov, S. (2009) *Proiskhozhdenie zhizni: fakty, gipotezy, dokazatel'stva* [The origin of life: Facts, hypothesis, evidence]. M.: Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra.